

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л33

Серийное оформление *К. Прокофьева*
Художник *Владимир Ненов*

Лейпек Д.

Л33 Это всё придумали люди. Роман. — М.: ИД «Флюид ФриФлай», 2019. — 416 с. (Серия «Mystic & Fiction».)

Где-то в нашей простой реальности живет девушка Алиса. Учится, читает книги, ходит на концерты. А еще — влюблена в загадочного парня, который постоянно исчезает. Как будто проваливается сквозь пространство. Или — в него?

Что, если за одной из соседних дверей может оказаться вход в другой мир? Мир, в котором мысли материальны, в котором живут гарпии, охотники, безумцы и потерянные дети. Мир, в котором нельзя любить. Потому что все уже было. Время закольцовано.

Начинается новый момент дежавю.

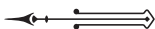
1. Миша

«Алиса — это пудинг. Пудинг — это Алиса».
Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье»

Я — один из тех мальчиков, про которых все вокруг говорят, что они хорошие сыновья. Когда я был маленьким, то воспринимал такой эпитет как комплимент и из кожи вон лез, чтобы его оправдать. Позже, впрочем, он стал меня раздражать. Я мечтал быть хорошим музыкантом, художником, режиссером, космонавтом на худой конец. Хотелось, чтобы мое самоутверждение строилось на личных достижениях, а не на том, что я просто не был совсем свиньей. Но хотя мои личные достижения постоянно росли, они прибавляли мне веса именно в статусе хорошего сына и никого больше. Почему мой почти отличный аттестат и поступление на бюджетное место в приличном вузе делали меня хорошим сыном, так и осталось для меня загадкой — но со временем я свыкся с этим. В конечном итоге, если ко мне вообще было применимо слово «хороший», это уже могло считаться достижением в каком-то смысле.

Тем более что про моего брата ничего подобного никто не говорил.

Мы жили втроем — я, мама и старший брат — на Чистых прудах, в огромной старой квартире, доставшейся по

наследству от маминых бабушек. Именно так они назывались всегда в нашей семейной истории — мамы бабушки, и, хотя мне они приходились прабабушками, я никогда не думал о них как о таковых. Мы переехали сюда из Выхинской двушки, в которой я жил с самого рождения, и поначалу новая квартира казалась каким-то сказочным дворцом — особенно когда я обнаружил, что можно ходить по кругу — через мамину комнату в мою, потом в коридор и оттуда обратно в мамину. Уже повзрослев, я понял все прелести дореволюционного дома под названиями «старая проводка», «ржавые трубы» и «деревянные перекрытия». В конце школы я спросил у матери, не хочет ли она обменять эту квартиру на две отдельные где-нибудь на окраине (для нас с ней и брата), но мама в ответ заявила, что ни за что в жизни не уедет из центра и что смерть под свалившимся с потолка куском штукатурки ей милее, чем смерть от удушья в набитом автобусе. Я не стал спорить, поскольку, во-первых, был хорошим сыном, а во-вторых, отчасти ее понимал. Со временем я даже нашел некоторый шик в том, как мы живем, особенно на фоне моих однокурсников, добравшихся в институт на электричках из городов, сами названия которых излучали безнадежность. Я доезжал до института за пятнадцать минут, а при желании мог вообще дойти до него пешком.

Мы с братом никогда не были близки — но это вполне объяснялось разницей в восемь лет. Сферы наших интересов не просто постоянно расходились, они как будто существовали в параллельных реальностях, не пересекаясь и не мешая друг другу. Единственной точкой соприкосновения оказалась музыка, и брат добросовестно провел меня через все ступени — от перестроечного русского рока

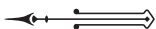
до блюза и рок-н-ролла пятидесятых, внимательно следя за тем, чтобы я не пропустил ни одного значимого имени. На мой двенадцатый день рождения он преподнес поистине королевский подарок: потрепанный песенник «Битлз» — с обложкой в стиле Энди Уорхола — и полное собрание альбомов этой группы на кассетах, собственноручно записанных им с пластинок на проигрывателе. По сравнению с этим вожделенные роликовые коньки сразу сильно сдали свои позиции, и потребовалось все мое «хорошесыние», чтобы обрадоваться так, как этого ожидала мама.

Следующий год я провел в наушниках и с плеером. Мать поначалу возмущалась таким асоциальным поведением, но вскоре мои оценки по английскому вышли на твердую «пять», и возражения отпали. Я занялся своим переводом песен, научился на слух вычленять слова и устойчивые выражения — в общем, бросился в омут английского языка с ликующим «And we live the life of ease»[1]¹. Тогда это было девизом всей жизни. Да и сейчас, спустя много лет, хотя я давно слушаю другую музыку, песни «Битлз» вызывают у меня очень сильные чувства — как будто после долгого отсутствия я побывал в родных местах. И когда начинает казаться, что жизнь на очередном витке теряет свой первоначальный смысл, я включаю что-то вроде «I just seen a face I can't forget»² — и все снова становится простым и понятным.

Мой брат всегда казался мне полнейшей загадкой. В детстве я списывал это на то, что он уже взрослый, и я просто не понимаю, чем он занимается. Но из маленького мальчика я постепенно превратился в мальчика большого, а понимание так и не пришло. Все, что я могу сказать про своего

¹ И мы жили в свое удовольствие (англ.).

² Я только что видел лицо, которое я не могу забыть (англ.).

брата, не рискуя соврать или приукрасить, — это что ему сейчас двадцать восемь лет, он окончил институт, курит, страдает постоянными мигренями и часто не ночует дома. Каждый месяц брат приносит домой деньги — достаточно приличную сумму, особенно если учесть, что ни я, ни мать не знаем, где он работает. Как-то раз он пришел и вручил маме австралийские доллары. Она долго смотрела непонимающими глазами на странные банкноты, но тут брат вдруг смутился, как будто допустил досадный промах, выхватил деньги из маминых рук и вышел из дома. На следующий день он принес привычные родные рубли, но мы до сих пор не знаем, откуда он достал те деньги.

Нам с матерью ни разу не пришло в голову, что брат может заниматься чем-то криминальным. Вернее сказать, мы много раз пытались сделать эту версию рабочей, и каждый раз нам приходилось ее отметать. Почему-то казалось, что человек, занимающийся какими-то темными делишками, никогда не смог бы вести себя так, как мой брат. Такое нелегко описать словами, но, если бы вы увидели его, вы бы поняли, что я имею в виду.

Брату было четырнадцать, а мне шесть, когда умер отец. Не помню, чтобы я сильно переживал по этому поводу, если не считать некоторого недоумения, неловкости и тайного облегчения, что теперь дома никто не будет кричать. Я родился уже тогда, когда это оставалось единственным проявлением чувств родителей друг к другу. Отец давно не жил с нами, и его окончательный уход лишь привнес некоторый порядок и стабильность в наше и до того одинокое существование. Для мамы, конечно, все было совсем по-другому — тогда у нее под глазами появились круги, которые так больше никуда и не исчезли. Год спустя мы переехали на Чистые,

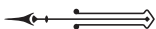

я пошел в школу, и воспоминания об отце остались где-то там, между безликими потрепанными многоэтажками.

Как пережил смерть отца брат, я не знаю до сих пор. Он был в том возрасте, когда подростки вообще склонны к утрате и мизантропии, поэтому его замкнутость и почти полное игнорирование законов семейного сосуществования могли быть вызваны просто гормонами, а не глубокой душевной травмой. Но именно в тот год у брата начала постоянно болеть голова.

Через пару лет непрекращающихся мигреней мама решила сводить его наконец к врачу. Мы поехали в частную клинику, которую посоветовала одна из маминых подруг, там брату обследовали голову и сделали много-много снимков его мозгов. Врач долго смотрел на них с потерянным видом, потом пришел в себя и сказал матери, что он в первый раз видит такое и что тут вряд ли можно что-нибудь сделать. Через несколько месяцев из какого-то НИИ брату пришло приглашение с просьбой поучаствовать в их исследовании, но он отказался. Больше его не трогали.

Мать никогда не спрашивала брата, чем он занимается, — у нее всегда были с ним не такие отношения, как со мной. Она не вмешивалась в его жизнь, не пыталась ее устроить или направить в нужное русло. Когда брат не ночевал дома, он звонил вечером и предупреждал об этом, а утром сообщал, что с ним все в порядке. Мать не всегда была уверена, что брат появился с утра в школе, но он обладал особым талантом договариваться с учителями, и они не беспокоили маму, вполне удовлетворенные оценками брата за промежуточные контрольные и тесты. От него всегда исходила некая спокойная уверенность, и возникало ощущение, что он знает, что делает.

Когда он перешел в одиннадцатый класс, мать стала пытаться у брата, что он собирается делать дальше, но брат, как всегда, молчал и в конце концов отвечал коротко, что с ним все будет в порядке. Мать переживала, волновалась, жаловалась подругам, и слово «армия» слетало иногда с ее расстроенных губ.

Брат окончил школу неплохо, хотя и не блистательно. Летом он снова пропал, даже больше обычного, а первого сентября пришел домой и показал нам студенческий билет «Бауманки». Мать охнула, я хлопал глазами. Немного придя в себя, она спросила брата, на какую специальность тот поступил. Он назвал что-то, чего мы с мамой не смогли бы даже повторить, и заметил мимоходом, что там всего одна группа и поэтому конкурс очень большой. Мама спросила слабым голосом, почему он не сказал ей ничего, когда поступил. И тогда брат улыбнулся, пересиливая свою обычную головную боль, и ответил, что хотел сделать сюрприз, и что без студенческого билета сюрприз получился бы не таким впечатляющим. Мама долго смотрела на моего брата, а потом рассмеялась. Помню, меня тогда это сильно расстроило. Я понял, что, каким бы хорошим сыном я ни был, такого фортеля мне не выкинуть никогда.

Поступление в институт не сильно изменило брата. Он по-прежнему пропал где-то, по-прежнему мы не знали ничего о его жизни за стенами нашей квартиры. Впрочем, дома нам тоже мало что удавалось о нем узнать.

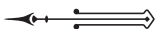
Комната брата находилась в самом конце коридора, напротив моей. Я не помню, чтобы он когда-нибудь настаивал на закрытой двери, как это часто бывает с подростками, — скорее, так сложилось исторически. Когда брат не ночевал дома, мать всегда закрывала дверь в его комнату. Она

аргументировала это тем, что в его отсутствие там можно как следует проветрить, но я подозреваю, что вид пустой комнаты огорчал ее, несмотря на звонки. Когда брат приходил и жил с нами, он просто оставлял дверь в том виде, в котором ее застал. Он вообще обладал потрясающим умением не нарушать сложившегося порядка вещей. Мы с матерью вместе строили свой быт, что-то улучшали, меняли, предлагали друг другу что-нибудь новое, иногда ссорились по этому поводу — брат же как будто все время подстраивался под нас. Иногда мне казалось, что он был в этой квартире немного в гостях. Когда я стал старше, то понял, что он, скорее всего, был в гостях у всего мира.

Была у брата еще одна странная особенность — мы никогда не слышали, как он приходил домой. В какой-то момент брат просто возникал в квартире, как будто находился здесь все это время. Мы с матерью привыкли и к этой его особенности — но вот гости иногда удивлялись, когда брат неожиданно появлялся на кухне. Двигался он всегда совершенно бесшумно.

Когда брат перешел на третий курс, мама стала слегка переживать, что у него до сих пор нет девушки, — и тогда брат привел в дом некую Настю. Она оказалась типичной дочерью девяностых: из провинциалов, приехавших в Москву за лучшей жизнью. Настя была крепкая, хозяйственная, простоватая и не стеснялась выйти из комнаты брата в одном нижнем белье. Так продолжалось несколько недель, пока она не перестала появляться у нас в доме, и мы потом долго и с интересом обсуждали, как брат мог заинтересоваться... таким. Уже много лет спустя, когда моя личная жизнь раскрыла мне глаза на некоторые особенности межполовых отношений, я понял, что брат просто привел

домой девушку, которая не оставляла бы никаких сомнений в том, что с личной жизнью у него все в порядке. Глядя на Настю, даже я в свои двенадцать хорошо понимал, что брат с ней спит, и это само по себе шокирующее открытие почему-то сильно успокаивало маму. Брат еще несколько раз приводил разных Маш, Кать и Тань, и после этого демонстрация его гетеросексуальности закончилась. Больше брат никогда не давал нам повода считать, что состоит с кем-то в близких отношениях, — но это мало что значило. Вполне возможно, он был уже женат и имел троих детей. Я бы не удивился.

Мою собственную личную жизнь можно было считать классическим учебником по ошибкам молодости. По какой-то счастливой случайности мне удалось избежать большого потрясения в любви. Ни одна из моих пассий не перешла в другую школу, не уехала из города и даже не начала встречаться со старшеклассником — события, всегда грозящие перевести мнимую влюбленность в статус безнадежной. Все школьные романы представляли собой череду не очень убедительных отношений, построенных на внутренней необходимости сначала просто погулять, чуть постарше — поцеловаться и наконец — переспать. Каждый раз, достигнув поставленной цели, я обнаруживал, что объект привязанности вообще-то не очень стоил затраченных усилий, и потом я долго не мог придумать, как бы избавиться от него, никого не обидев. Иногда они избавлялись от меня сами, и в глубине души я даже был рад. Я по-прежнему не понимал толком, что нужно делать с девочками.

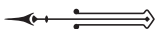
Полгода назад я встретил Алису. Это была знакомая моего друга — идеальный вариант, если вы ищете серьезных отношений. Алиса училась на втором курсе МАРХИ, и это

казалось мне, одному из немногих студентов мужского пола в Литературном институте, невероятно крутым. Она таскала огромные папки и никогда не могла сказать, сумеет ли пойти куда-нибудь со мной на выходных. Иногда после ее занятий, которые заканчивались позже моих, мы заходили ко мне, но в квартире всегда обнаруживалась тотальная нехватка бумаги, подрамников, туши или клея, и она мчалась домой в Медведково, чтобы проектировать, чертить, рисовать или делать макеты. В то время я считал, что у нас с Алисой все очень серьезно, и поэтому у меня дома мы никогда не боялись, что мама придет раньше обычного. Не знаю, что думала по поводу этих платонических отношений Алиса. Иногда мне казалось, что, предложи я заняться сексом, она бы сказала, что у нее на это нет времени.

Алиса очень нравилась мне. Она казалась совершенно цельной, как бы сложенной из точно подходящих друг к другу кусков. У нее имелось мнение относительно любых вопросов, от кино до политики, и она умела выражать это мнение, не втаптывая при этом оппонента в грязь. Алиса была, в общем-то, очень правильной девочкой, идеальной парой для такого правильного мальчика, как я. Я не говорил себе пока, что люблю ее, но, безусловно, подразумевал свои исключительные на нее права.

Когда пришло время сессии, у нас — пай-мальчика и пай-девочки — начались своеобразные каникулы. Алиса уже не бегала с папками и не бормотала магических слов вроде «рейсшина» и «триглиф». Я позвал ее на торжественный семейный чай и познакомил наконец с мамой. Алиса была из тех девочек, которые нравятся мамам в начале отношений — и не очень нравятся потом. Когда я, проводив ее, вернулся домой, мама сдержанно

предложила звать Алису почаще. Я столь же сдержанно ответил, что зову ее так часто, как могу, — на этом все обсуждение моих очень серьезных отношений закончилось, и я пошел спать, оставив маму в тишине кухни раздуваться от гордости за своего хорошего сына.

Алиса ни разу не сталкивалась с моим братом — он появлялся всегда поздно, а она уходила рано. Когда я рассказал ему, что у меня новая девушка, брат только улыбнулся и заметил, что старые девушки обычно котируются выше новых. Я слегка обиделся: на мой взгляд, не ему было судить о девушках и длительности отношений. Но брат больше ничего не сказал и просто закурил, а у меня не хватило решимости продолжить тему.

В том, как брат курил, было свое неподражаемое обаяние. Впервые я увидел его с сигаретой на поминках маминей бабушки и немедленно почувствовал укол зависти. Он не пользовался зажигалкой — даже в компании брат всегда доставал коробок и осторожно прикуривал, закрывая пламя спички ладонью. Когда он держал сигарету, то излучал потрясающие уверенность и спокойствие — в нем совершенно не было нервности завязтых курильщиков, он не ронял своего достоинства, спазматически затягиваясь перед входом в метро. После тех поминок я немедленно решил попробовать курить сам. Впоследствии повторил эту попытку еще несколько раз, но в конце концов мне пришлось признать, что если даже я и стану курильщиком, то курильщиком самым заурядным, — и я бросил это дело.

Перед самыми студенческими каникулами Алиса снова пришла к нам в гости. Брат тоже обещал вечером быть, и я решил, что это отличный повод их познакомить.

В глубине души мне очень хотелось похвастаться. Алиса отличалась от всех его «дам», как птица феникс от кур-несушек, и я жаждал продемонстрировать брату, что моя новая девушка будет получше всех его старых.

Мы с Алисой пришли домой первыми и, по традиции, стали пить чай. Если у всех отношений есть свой неповторимый вкус, то наши, безусловно, сильно отдавали чаем из пакетиков. Почему-то мы никогда не заваривали листовой чай. Наверное, нам обоим казалось, что чай из чайника — это такое сугубо семейное мероприятие, и заниматься им вдвоем почти так же неприлично, как заниматься любовью на родительской постели.

Впрочем, этого мы тоже не делали никогда.

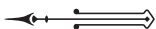
— Как зовут твоего брата? — спросила Алиса, помещивая ложкой мутно-коричневую жидкость.

Это был сложный вопрос. По паспорту мой брат был Александром. Но уже довольно давно никому из нас не приходило в голову называть его Сашей, или уж тем более Саней. При встрече со взрослыми брат представлялся полным именем, а моим немногочисленным друзьям, иногда сталкивающимся с ним у нас в квартире, — Сандром. Само по себе это звучало достаточно претенциозно, но так шло ему, что никто не замечал какой-то почти средневековой вычурности этого имени. Мы с мамой в наших разговорах всегда называли его братом. «Мой брат» и «твой брат», соответственно.

— Вообще-то он Александр, — ответил я. — Но ты, я думаю, можешь называть его Сандр.

— Сандр? — Алиса слегка приподняла брови. — Странное имя.

— Не страннее многих, — пожал я плечами.

— И чем занимается этот ваш Сандр? — спросила она, делая большой глоток.

— Если честно, ни я, ни мама не знаем наверняка. Предположительно он программист или что-то в этом роде. Но он нам ничего не рассказывает.

— А живет он с вами?

— И да и нет. Иногда несколько дней подряд живет здесь, а иногда на несколько недель исчезает и только звонит.

— Прямо человек-загадка, — усмехнулась Алиса.

— В своем роде, — пробормотал я.

Мне вдруг пришло в голову, что на фоне такого таинственного брата я должен выглядеть довольно заурядным, несмотря на свой proficiency¹ и потенциальную стажировку осенью в Англии.

Брат появился примерно через час, принес с собой запахи мороза, табака и полную невозмутимость. Он возник в дверном проеме, как обычно, безо всякого предупреждения, посмотрел на нас внимательно и склонил голову в знак приветствия.

— Добрый вечер, — сказал брат, и то, как он это произнес, казалось невероятно элегантным. Он вообще был весь такой — в черном свитере с горизонтальным вырезом, с едва заметной вечерней щетиной, с черными и чуть мокрыми от снега волосами, с черными глазами — весь такой «добрый вечер», с ног до головы.

Мне снова стало неудобно. Я всегда считал себя привлекательным — и не без оснований, — но брат смотрелся, конечно, неподражаемо. К тому же он был старшим. И чертовски загадочным.

¹ Уровень знания английского языка. Предполагает знание на уровне носителя.

— Алиса, — мой брат, — представил я его довольно сухо. — Брат, это моя Алиса.

Слово «моя» было в данном контексте совершенно неуместным. Мы редко демонстрировали степень нашей близости, однако сейчас мне очень остро захотелось ее подчеркнуть. Я заметил, как Алиса стрельнула при этом в меня глазами, но отступать было поздно.

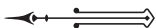
— Очень приятно, — вежливо кивнул брат.

Алиса тихо фыркнула и пробормотала: «Взаимно», и я с удовольствием отметил, что неотразимость брата скорее смешит ее.

— Мама скоро будет? — небрежно спросил он, и как-то незаметно наш разговор перешел в спокойное обсуждение насущных проблем, перемежавшееся интересными историями.

Мы сидели так до прихода мамы, а потом пили с ней листовый чай, заедая его неубедительными пирожными из супермаркета. В десять часов мы с Алисой заторопились в ее Медведково, куда я весьма рыцарственно довозил ее каждый раз. Брат сообщил, что сегодня остается. Я обрадовался, потому что это обычно означало совместный просмотр какого-нибудь интересного артхаусного фильма, и пообещал вернуться как можно скорее.

Когда мы уже стояли в прихожей, брат напомнил мне про билеты. Он давно хотел сходить со мной на концерт некоего модного джаз-бэнда, игравшего в маленьких клубах. Билеты на него разлетались очень быстро, но я ждал денег за последний небольшой перевод. Раньше брат всегда покупал билеты на свои деньги, но теперь я уже стал самостоятельной финансовой единицей и активно стремился платить за все сам. Брат, уже подаривший мне и «Дип

Перпл», и «Машину времени» на Красной площади, и старенького Клэптона, не возражал. Он был, по-своему, довольно чутким братом.

Обычно наши совместные походы на концерты были сугубо личным занятием. Я никогда не брал с собой ни друзей, ни девушек, он тоже приходил один. Такая же история была с совместными выходами мамы и брата в свет. Он водил маму в оперу, на современный и классический балет и открытия модных выставок. Мать тогда надевала что-то неопишимо элегантное — брат, безусловно, унаследовал свое чувство стиля у нее, — и они шли такие прекрасные и недостижимо светские, что мне невольно становилось обидно. Мы тоже часто ходили с матерью в кино или на выставку, но это всегда получалось буднично и немного устало. У меня не хватало ни денег, ни подходящих знаний в области современного искусства, чтобы водить куда-нибудь маму так же шикарно, как это делал брат.

Я должен был понимать в свои полные двадцать лет, что нарушение традиций обычно ведет к революциям. А они, как известно, ничем хорошим не заканчиваются. Но я никогда особенно не любил джаз, в отличие от брата, и втайне побаивался, что мне на этом концерте будет невообразимо скучно. Поэтому я обернулся к Алисе, которая уже оделась и ждала меня, и спросил ее:

— Ты хочешь пойти с нами?

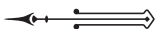
II. Алиса

*«Знаешь, одна из самых серьезных
потерь в битве — это потеря головы».*
Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье»

Я ехала в метро, и, как обычно, это было ужасно. Почему, ну почему каждый, кто проходит мимо, должен обязательно задеть мой подрамник? Почему, впихивая меня в вагон, толпа обязательно пытается стянуть подрамник с плеча и утащить его куда-то вглубь? Почему, когда вдруг чудом удастся сесть и выдохнуть после пяти пар с неизбежной последней физкультурой, ты чувствуешь на себе лишь исполненные ненависти взгляды?

В тот день места не нашлось. Подрамник больно упирался в ногу, потому что какой-то идиот все время тянулся к поручню и налегал на меня со всей силой. Какой смысл за что-то держаться в такой толпе, если, даже потеряв сознание, ты все равно останешься стоять?

Но я терпела, потому что у меня была моя путеводная звезда, моя морковка, за которой я бежала, как послушный измученный ослик. Завтра я шла на концерт, и в моей жизни это могло считаться большим событием. У меня не было компании, с которой я могла бы приобщиться к концертной жизни. Родители водили меня в детстве на классику, но когда я начала готовиться к поступлению, у меня больше

не оставалось на это ни времени, ни сил. Пару раз я ходила со школьными подругами на что-то, что нравилось им и не нравилось мне, и больше этот опыт не повторялся.

Мы с Мишей шли на джаз. У меня был мужчина, который мог купить билеты и повести меня в клуб на джазовый концерт. Поэтому даже идиот, почти сломавший ногу подрамником, уже не сильно меня расстраивал.

Я давно думала о Мише как о своем мужчине. Тот факт, что он не мог называться моим мужчиной в полном смысле этого слова, не очень меня смущал. Мы негласно считали, что строим высокие отношения и что до стадии менее высоких еще не дошли.

Конечно, мне не очень нравилось, что с нами шел Мишин старший брат. Гораздо интереснее было бы сходить вдвоем. Кроме всего прочего, родители два дня назад уехали на Шри-Ланку, и несколько раз в мою голову закрадывалась мысль, что, наверное, это подходящий случай перевести наши отношения на новый уровень. Не то чтобы мне как-то особенно этого хотелось, просто я считала, что это будет по-своему правильно.

Но с нами шел Сандр, высокий, молчаливый, загадочный, и это несколько нарушало картину идеального свидания. Конечно, вряд ли он тоже поедет провожать меня в Медведково, но почему-то мне казалось, что от него можно было ожидать и такого. Он показался мне немного странным, этот брат.

Перед концертом мы встречались в метро. Когда я приехала с классическим пятиминутным опозданием, они оба уже ждали там, и издали особенно бросалось в глаза, как они на самом деле похожи. При этом Мишка не пытался снять кальку с брата, как это часто бывает в подобных случаях. Просто они оба были такими. Как немецкие рапидографы, ни с того ни с сего пронеслось у меня в голове.

Мы вышли на улицу, на холодный февральский ветер, и Мишин брат остановился закурить. Он по-старомодному прикуривал от спичек, и под резкими порывами это получилось не сразу. Мы с Мишей ждали, стоя в нескольких шагах от него. Я мерзла и думала, что из-за этого чертова пижона сейчас окончательно продрогну в своем стильном коротком пальто. Купил бы себе зажигалку.

Зазвонил телефон. Миша посмотрел на номер, пробормотал «мама» и поднес трубку к уху. Некоторое время он задавал вопросы в духе «что? где? когда?» и неопределенно мычал в ответ. Наконец сказал «скоро будем», и я услышала протестующие интонации на том конце. Миша отключился.

— У мамы машина сломалась. Она в Митино.

— Едем к ней? — спросил брат, элегантно затягиваясь.

Миша посмотрел на него, а потом на меня.

— Ты ведь очень хотела сходить на концерт?

Я молчала. Я очень хотела сходить на концерт, у меня вообще были далекоидущие планы на этот вечер, никак не связанные с Митино и поломанными машинами. Но говорить об этом сейчас казалось не очень вежливым.

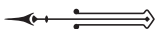
— Знаете что, — сказал Миша после минутного раздумья, — давайте вы вдвоем пойдете, а я поеду к маме. Я вообще-то не очень люблю джаз.

Брат вскинул брови. Я молчала. Перспективы вечера менялись стремительно.

Миша торопливо посмотрел на часы в телефоне.

— Значит, решили, — сказал он, хотя никто еще ничего не решил. — Все, мне пора. Хорошего вечера!

И он сбежал вниз по ступеням так стремительно, что никто из нас не успел ничего сказать. Мы стояли у входа в метро. Неловкость ситуации холодным сквозняком

обдувала мне колени. Отлично, подумала я саркастически. Вечер удался.

— Черт, — пробормотал Сандр, глядя себе под ноги, — надо было поехать с ним.

Я кивнула. Мы еще немного постояли — и пошли в сторону клуба.

Потом я часто пыталась понять, о чем думал Миша, оставляя свою девушку со своим старшим братом. Наверное, он просто настолько беспокоился за маму, застрявшую в незнакомом Митино, что как-то не подумал обо всей немыслимости происходящего. Самым логичным, на мой взгляд, было бы отпустить Сандра и спокойно идти в клуб вдвоем. Но Миша вбил себе в голову, что это он непременно должен спасти маму, а я непременно должна сходить на концерт, и в этом раскладе все выглядело довольно разумно.

А может, он и впрямь совсем не любил джаз.

В клуб только начали пускать, мы долго топтались в длинной очереди на вход. У гардероба Сандр принял у меня пальто с каким-то легким автоматизмом, исключаящим галантность. Мы сели за столик, он спросил, буду ли я что-нибудь пить. Я отказалась. Он взял себе стакан минеральной воды. Концерт долго не начинался, подчеркивая свою модность. Мишка написал мне, что он нашел друга, живущего в Митино, они вместе отбуксировали машину к другу во двор, и теперь он с мамой едет домой. У меня сразу отлегло от сердца. Раз у них все было в порядке, мы вроде как вполне имели право получать удовольствие. По крайней мере, так казалось мне. Не знаю, о чем думал Сандр. Он молчал и делал иногда небольшой глоток своей минералки.

Первый раз в жизни я ходила на джазовый концерт — и не запомнила из него ничего. Я даже не могла сказать,

понравился он мне или нет. Когда бэнд после третьего биса удалился, я почувствовала лишь некоторое облегчение.

Обратно к метро мы тоже шли в полном молчании. На платформе я спросила Сандра, куда ему ехать. Он немного нахмурился и заметил, что ему, наверное, следует проводить меня до дома. Я посмотрела на часы над тоннелем. Начало двенадцатого. Я согласилась.

Мы молча доехали до Медведково, молча дождались автобуса, молча в него сели. Еще когда мы стояли на остановке, я обернулась посмотреть, не идет ли с другой стороны маршрутка, и случайно встретила взглядом с Сандром. Он смотрел на меня с какой-то странной сосредоточенностью — как будто у него очень сильно болела голова. Может, она у него действительно болела. Мне было все равно. По правде сказать, я чувствовала себя очень неуютно от того, что он провожает меня. Хотелось поскорее от него избавиться, лечь в теплую постель и почитать какую-нибудь приятную книжку.

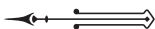
Когда мы добрались до моего дома, я остановилась и неловко повернулась к Сандру. Вроде как ему полагалось попрощаться и двинуться в обратную сторону, но он продолжал стоять, засунув руки в карманы, а я все больше мерзла в своем красивом, коротком и легком пальто. Он морщился, как от настоящей мигрени, и вместо того, чтобы сказать: «Большое спасибо, спокойной ночи», — я спросила:

— У тебя болит голова?

Сандр вздрогнул и посмотрел на меня несколько растерянно, как будто не очень понимал, о чем я его спрашиваю.

— Немного, — пробормотал он наконец.

— Может, надо напоить тебя чаем и дать какую-нибудь таблетку?

Он постоял, снова глядя куда-то в сторону.

— Наверное, это будет правильно, — согласился он.

Прозвучало это так, как будто он имел в виду что-то совсем другое. Я кивнула и пошла к подъезду.

Когда мы ехали в лязгающем и скрипящем лифте, Сандр спросил:

— А твои родители не удивятся, что ты привела домой в полночь незнакомого мужчину?

— Не удивятся. — Я вытащила из сумки ключи. — Их нет дома.

Краем глаза я заметила, что он совсем скривился от боли.

В квартире было по-особенному тихо. Я всегда замечала, что тишина в пустой квартире звучит совершенно по-разному в зависимости от погоды, времени суток и сезона. Ночью, особенно зимой, квартира становится какой-то совершенно сухой и жесткой. Начинает казаться, будто все, что делаешь, по-своему преступно.

Я привела в дом мужчину, которого видела ровно два раза в жизни, а мои родители при этом отдыхают на Шри-Ланке. По своим собственным меркам я вела себя архипреступно.

Сандр бесшумно проследовал за мной на кухню и сел на табуретку, какой-то совершенно замученный. Я даже начала его немного жалеть.

В гостиной, в полной темноте, я долго искала в аптечном шкафчике нужное лекарство. Почему в темноте? Никто не знает.

— У меня есть нурофен, цитрамон и но-шпа, — сообщила я, вернувшись на кухню и выкладывая таблетки на стол. — Выбирай.

Он уже не сидел, а стоял у окна спиной ко мне и никак не отреагировал на мои слова. Я заварила чай, потому

что точно знала, как плох пакетированный чай в лечебных целях. Достала чашку, ложку, подвинула сахарницу на середину стола.

— Чай готов, — позвала я тихо.

Он повернулся, и у меня в голове пронеслось слово «скорая». Его лицо было серым, с зеленоватым отливом, и глаза болезненно сосредоточены.

Он снова сел, взял какую-то из таблеток и налил себе очень крепкий чай. Я стояла у плиты, не очень зная, куда себя деть. Полночь, февраль, Медведково, в моей кухне сидит практически незнакомый мне человек с жутким спазмом. Мама, что делать.

После нескольких глотков чая Сандр прислонился к стене и закрыл глаза. Лицо постепенно утратило землестый оттенок, и лоб как будто слегка расслабился.

— Лучше? — спросила я.

Он слегка кивнул.

— И часто с тобой такое бывает?

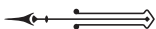
Сандр слабо улыбнулся.

— Такое — не часто.

Опять мне показалось, что он имел в виду что-то совсем другое.

Некоторое время на кухне стояла тишина. Я изредка поглядывала на часы. Еще чуть-чуть, подумала я, и он не успеет на метро. И мне придется оставить его ночевать. Полночь, февраль, Медведково, я одна в квартире с двадцативосьмилетним мужчиной. Мама, что делать...

Почему я не позвонила Мише? Почему не рассказала ему обо всем? Приехать он бы уже не успел, но я хотя бы поставила его в известность. Не чувствовала бы себя преступницей, скрывающей у себя в квартире...

Что? Безумное чаепитие на кухне? Странного элегантного типа, страдающего чудовищными мигренями и закуливающего от спичек?

Бред.

Сандр открыл глаза с видом человека, приходящего в себя после клинической смерти. Никогда не наблюдала такого, но мне казалось, это должно выглядеть именно так.

— Здесь можно курить?

Я покачала головой.

— На балконе?

— Да. Там даже пепельница гостевая есть.

Он кивнул и встал. Я проводила его через темную гостиную на балкон и почему-то сама тоже вышла. Ветер пробирал насквозь, плитка обжигала ноги холодом через тапочки. Я по-прежнему была в своем «джазовом» платье и тонких колготках. Сандр стоял на ледяном полу в одних носках и, судя по всему, не испытывал ни малейшего дискомфорта.

— Ты замерзнешь, — бросил он через плечо.

Я послушно кивнула, как маленькая девочка, и вернулась на кухню. Полпервого. Он точно не успеет на метро. Ну и хрен с ним, подумала я вдруг сердито. Пускай добирается, как знает. Не виновата же я, что он вдруг собрался тут помирать. Это не мои проблемы.

Я уже начала печатать Мише сообщение с вопросом, очень ли невежливо будет выкинуть его брата из дома почти в час ночи, когда почувствовала на себе взгляд Сандра. Я подняла глаза. Его лицо выглядело непроницаемым.

— Я думаю, мне пора.

Я кивнула. Он прямо-таки читал мои мысли.

— Спасибо большое за... угощение.

— Не за что.

Он еще немного постоял, потом исчез в прихожей. Я отложила телефон и вышла его проводить.

— А как ты поедешь? — спросила я. — Метро уже не работает.

Он стоял на одном колене, завязывая шнурки.

— Во-первых, я могу взять такси. А во-вторых, идея прогуляться пешком не кажется мне такой уж страшной.

— Ты замерзнешь, — повторила я его фразу.

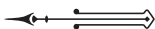
Поверх свитера у него было только пальто, еще более тонкое и стильное, чем мое. Не самая подходящая одежда для ночных прогулок зимой.

— Вряд ли, — усмехнулся Сандр, вставая. Он был высоким, темным и каким-то... готическим. В архитектурном смысле этого слова.

И это оказалось опасным сравнением. Потому что готика давно стала моей страстью. Все свои работы в институте я посвящала тому, чтобы найти ее следы в современной архитектуре, все мои проекты, так или иначе, носили в себе ее черты. И вот передо мной стоял человек, абсолютно точно воплощающий в себе основополагающие принципы готической архитектуры. Я не знаю, в чем это выражалось. Во всем. И это открытие оказалось таким мощным эстетическим откровением, что я так и замерла на месте, совершенно забыв, что мне нужно попрощаться и запереть за ним дверь.

Готический собор смотрел на меня из-под недосягаемой высоты своих стрельчатых сводов.

То, что случилось потом, было совершенно диким в контексте всей моей предыдущей жизни, но достаточно логичным в контексте всего этого дикого вечера.

* * *

Свою интимную жизнь я начала с основательностью и продуманностью, свойственной большинству моих поступков. Мне казалось правильным, что по достижении шестнадцати или семнадцати лет девушка должна приобрести некоторый сексуальный опыт, чтобы потом, встретив любовь всей своей жизни, не испортить все своей непросвещенностью в самых главных вопросах. Опыт был мною успешно приобретен и, как почти любой первый опыт в этой области, оставил воспоминания в основном неловкие и не очень приятные. Поставив таким образом галочку в соответствующей графе личных свершений, я на время отложила в сторону сексуальный вопрос, бросив весь пыл юности на поступление в институт и последующую учебу в нем. Когда мы стали встречаться с Мишей, точнее, когда он стал встречать меня у МАРХИ и провожать до дома, с редкими заходами к нему на чай, мне очень импонировала наша тактика серьезных отношений. Я не очень понимала, зачем обязательно нужно раздеваться, пыхтеть, стонать и притворяться довольными. Во-первых, эта галочка у меня вроде как уже имелась. Во-вторых, оно все как-то не соответствовало нашей с Мишей истории. Хотелось чего-то серьезного и красивого. Я искренне надеялась, что так тоже бывает.

На очень скромный практический опыт я нарастила достаточно приличный кусок опыта теоретического. Я внимательно смотрела фильмы и вычитывала пикантные сцены в книгах, пытаясь по возможности прикинуть, что чувствуют люди в этот момент или — что чувствовала бы я на их месте. Были вещи, казавшиеся мне достаточно логичными, были и те, что вызывали у меня искреннее недоумение.

Например, я не могла представить, как можно заниматься любовью на полу. Там же жестко и неудобно, думала я — и искренне сочувствовала главным героям.

Моей главной ошибкой, как выяснилось, стала попытка подойти к этому вопросу с точки зрения логики.

Оказалось, что логика вообще тут ни при чем. Оказалось, что все вопросы в жизни вообще, как то: добро и зло, хорошо и плохо, правильно и неправильно, нужно и не нужно — могут терять свое незыблемое значение. Оказалось, что это все вообще не важно. Совершенно.

В общем, много чего оказалось.

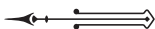
Кроме всего прочего, мне никогда бы не пришло в голову, что мужчина может так чувственно и нежно одевать женщину. Раздевать — да, конечно. Это казалось в рамках логики. Одевать?..

Но когда его руки застегнули молнию платья и осторожно развернули меня за плечи, мне показалось, что меня запаковали вместе со всем тем, что неожиданно рухнуло на меня. Как будто я стала ходячим сосудом, вместившим в себя все то абсолютно неместимое, что сейчас произошло. Останься я голой, я бы непременно расплескала все это, растеряла бы по частям.

Но я стояла, совершенно одетая, в своей собственной прихожей, и передо мной стоял совершенно одетый мужчина. И все, что произошло, было надежно запаковано, сохранено, спрятано. Мы ничего не растратили зря.

Он ушел, не сказав ничего, не поцеловав меня на прощание. Слишком хорошо мы все спрятали. Нельзя было терять ни капли.

Я вернулась на кухню и взяла в руки телефон. Там оказалось сообщение от Миши: «Надеюсь, ты дома и все

в порядке». Да, написала я, все в порядке. Спокойной ночи. Уже потом я поняла, что следовало сказать что-нибудь про концерт. Но было поздно.

Я посмотрела на стол. Там лежали нурофен и цитрамон. Значит, он пьет но-шпу, подумала я машинально и пошла убрать остальные таблетки на место. Включать свет теперь казалось просто кошунственным.

Из гостиной я вернулась на кухню. Постояла, не сводя взгляда с одинокой чашки на столе. Села на пол. Легла. И уснула.

Иногда уснуть на полу — это единственно верное решение.

* * *

Наутро меня ждал институт. Всю первую пару я тупо смотрела на ручку и тетрадь. Что-то нужно было с ними делать, что-то такое логичное и понятное. Но я никак не могла вспомнить, что именно.

Вторая пара прошла похожим образом. В перерыве я подошла к преподавателю, который вел семинар следующие три часа, и сказала ему, что очень неважно себя чувствую. Скорее всего, выглядела я тоже не очень, потому что он тут же меня отпустил. Я зашла в Дом иностранной книги на Кузнецком и купила «Pride and Prejudice»¹. Женский роман. Девятнадцатый век. Чистый и незамутненный английский язык. Я верила, что это поможет.

Изначально я планировала доехать до «Тургеневской» и сесть там в каком-нибудь кафе, но вовремя сообразила,

¹ «Гордость и предубеждение», роман английской писательницы Джейн Остин.

что это слишком близко к Мишке. Поэтому вышла на «Проспекте мира», спряталась в «Макдоналдсе», в самом дальнем углу, и просидела там часа четыре. По мере того, как спина и шея постепенно стали затекать, все вокруг начало обретать какие-то признаки здравого смысла. Стараясь не растерять это ощущение, я быстро поехала домой. Села за рабочий стол. Дописала курсовую. Посидела над проектом. Поговорила с родителями по скайпу.

Все шло хорошо. Мишка написал, что едет сегодня вечером разбираться с машиной. Я даже пожалела, что из-за этого нельзя позвать его к себе. Казалось, если Мишка приедет, жизнь окончательно пойдет на лад.

В одиннадцать часов вечера раздался звонок в дверь. Значит, Мишка сам решил приехать ко мне. Я слегка смутилась и одновременно обрадовалась. Он никогда не делал ничего без предупреждения. Но от этого мне было еще приятнее.

Я была абсолютно уверена, что это Мишка, и открыла дверь, не посмотрев в глазок. Непростительное поведение для девушки, которая находится в квартире одна.

Его плечи и волосы были в снегу, и лицо такое, что мне самой стало нехорошо. Кажется, эта штука называется эмпатией.

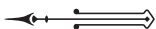
— Опять так сильно болит? — спросила я вместо приветствия.

— Нет, — ответил Сандр довольно резко. — Я могу войти?

Я молчала. В голове крутилось множество фраз, которые следовало сказать в подобном случае, среди них почему-то: «Но я другому отдана, я буду век ему верна». Но даже этого не стоило говорить на пороге.

— Заходи.

Он отряхнул полурастаявший снег с пальто и ботинок. На волосах вместо белых хлопьев появились крупные капли.

Мне страшно хотелось убрать их, они как-то мешали в этот момент моему представлению о гармонии и красоте мира.

И я не удержалась. Я просто провела, не задумываясь, рукой по его волосам. Он поднял глаза и поймал мою руку неувловимым, стремительным движением.

Что-то я собиралась ему сказать. Что-то очень важное. Но это уже не имело смысла. Смысл, пронеслось в голове, вообще категория относительная.

До сих пор я считала себя хорошей дочерью. Я любила оставаться дома одна, но скучала по родителям и ждала их возвращения. У нас была классная семья.

Сейчас я мечтала о том, чтобы на Шри-Ланке случился ураган. Шторм. Землетрясение. Цунами. Что-нибудь такое, что отложило бы прилет родителей хотя бы на несколько дней. Недель. Месяцев. Чтобы они вернулись, но когда-нибудь потом. Очень сильно потом.

Он приходил каждый вечер, и каждый вечер у него было такое лицо, как будто он только что вернулся из ада. У меня не находилось другого определения для той боли, что пряталась в его темных глазах. Как будто его жарили в раскаленном масле, и он знает, что завтра оно будет еще раскаленнее.

Я не знала, в чем дело. Я вообще ничего не знала. Я тихо сходила с ума, пытаясь как-то ему помочь. Я гладила его голову, я целовала его, но это как будто только делало все еще хуже. Тогда я, полная самоотверженности, пыталась отстраниться, и он возвращал меня к себе, и все начиналось снова.

В те дни я наконец поняла всю мучительную красоту готики.

Через несколько дней Мишка встретил меня у института. Это было нормой, правилом, во вторник он всегда встречал меня, но я очень удивилась. Сказала, что у меня

страшно много дел и нет времени к нему заходить. Он наверняка почувствовал что-то, потому что всю дорогу молчал, а потом у подъезда вдруг схватил меня и поцеловал так, как никогда не целуют девушку, если строят с ней серьезные отношения. Если только не уходят на фронт.

Они даже целовались одинаково. О, боги.

Наверное, в тот вечер мое лицо было ненамного лучше его, потому что Сандр на время забыл о своих чертах и сговорках. Он сидел передо мной на коленях, а я редела в кухонное полотенце и говорила, какая я мерзкая двуличная сволочь. Он спросил, будет ли мне легче, если Мишка обо всем узнает. Я не знала.

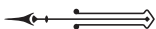
На следующий день прилетали родители. Это означало, что вечером никто ко мне не придет. Я шла по бульвару, пытаясь убедить себя, что мне нужно зайти к Мишке и все ему рассказать, когда от него пришло короткое, но содержательное сообщение. «Уроды».

Я стояла на бульваре, было холодно и мокро. Вечером прилетали родители, которые вообще ничего теперь обо мне не знали. И он не придет, и я даже не знаю номера его телефона. Раньше это было не нужно. Он приходил каждый вечер.

Конечно, я могла спросить телефон у Мишки. Отличная идея. Наверное, это оказалось бы одним из самых изощренных способов Мишку добить. Мишку, который вообще ни в чем не был виноват.

Не знаю, как Сандр меня нашел. Логично было предположить, что он только что заходил к Мишке и шел мимо, когда увидел меня. Но в тот момент мне показалось, что он просто меня нашел.

Он стрёб меня в охапку и куда-то поволок за собой, дотащил до припаркованной машины и почти запихнул

в нее. Странно, подумала я. Мне казалось, что он должен перемещаться в пространстве как-то по-другому. На крыльях, например.

Мы ехали в московских сумерках по московским пробкам, по радио крутили Земфиру, мокрый снег лип к лобовому стеклу. Я не выдержала и спросила:

— Любовь всегда такая ужасная, или это просто мне так повезло?

Он вздрогнул и посмотрел на меня. Мы никогда не говорили, что любим друг друга. Это было как-то слишком очевидно.

— Нет, не всегда, — ответил он. — Но замечание верное, — добавил он тихо, снова глядя вперед.

Когда мы добрались до Медведково, уже окончательно стемнело. Родители приземлились и вот-вот должны были вернуться домой. Сандр проводил меня до дверей и собирался уходить.

— Оставь мне свой номер телефона. Пожалуйста.

Он покачал головой.

— Мне нужно иметь возможность тебя найти. — Мой голос показался мне самой отвратительно просящим.

— Это бессмысленно. Меня нельзя найти по телефону.

— Но...

— Чщ-щ-щ. — Он положил руки мне на плечи и слегка наклонился вперед. — Я сам буду тебя находить.

— Где?

В его глазах что-то сверкнуло, он опустил руки и выпрямился.

— Везде.

И ушел. Мы не расплескивали себя зря.

* * *

Конечно, родители что-то заметили. Мама пыталась выяснить у меня, как я жила в их отсутствие, и я, в конце концов, честно призналась, что поссорилась с Мишкой. Мама расстроилась. Мишка ей нравился.

И мне тоже. Мне тоже он нравился. Он был мягким, вежливым и внимательным.

Совсем как его брат.

Первый день после возвращения родителей оказался страшным. Утром, в институте, я поняла, что не знаю, когда он меня найдет. Сегодня? Завтра? Через месяц? Через год? Дело было не в том, что жизнь без него не имела смысла. Конечно, в ней оставался смысл. Много вещей, которые были важны. Много вещей, которые, наверное, были даже важнее. Но теперь я смотрела на них другими глазами. Теперь все приходилось видеть заново, чувствовать заново.

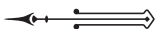
Первый день стал классическим днем сумасшествия. Я не могла думать, не могла спать, не могла есть. Но на второй день я заставила себя думать. На третий я смогла уснуть. На четвертый я захотела есть.

Только теперь я жила как будто... без руки. Или без ноги. Или без одного легкого. Без чего-то, в общем. Без этого чего-то можно было жить. Но этого чего-то очень не хватало.

На пятый день он вошел в вагон на Сухаревской, ровно в ту дверь, у которой я стояла. Это, конечно, могло быть просто совпадением.

И это, конечно, не имело никакого значения.

Он действительно находил меня везде. Когда я ездила на дачу к подруге, встречала его в электричке на обратном пути. Когда я садилась в набитую маршрутку с утра, он был

там. Когда я возвращалась на метро из института, он ждал меня за раскрывающимися дверями вагона.

Иногда нам не хватало физической близости, той, что стала началом всей этой запутанной истории, и тогда мы срывались. Пропустить институт, пока родители на работе. Снять номер в отеле на час. Поехать куда-нибудь на машине. Верхом безумия было подождать, когда Мишка и его мама уйдут из их квартиры, но и это случалось.

Мы встречались не каждый день. И, судя по всему, его черти не сидели без дела. Иногда он выглядел так, что я пугалась и думала, не надо ли ему лечь в больницу. Хотя внутренний голос подсказывал, что больницей тут не поможешь.

Хуже всего было то, что я знала, что он все время проводит в своем аду. Я несколько раз пыталась спросить, что же все-таки с ним происходит, но он лишь качал головой в ответ. Я спрашивала, могу ли я чем-нибудь помочь. Он молчал.

Я не думала, что дело во мне. Или, точнее, что дело только во мне. То, что мучило его, было как-то связано с нами, но не напрямую. Он не выглядел так только из-за того, что страдал от слишком сильных чувств ко мне. По крайней мере, я не позволяла себе так думать.

Мечта любой девушки — загадочный мужчина, молча страдающий неизвестно от чего. Появляющийся из ниоткуда и уходящий в никуда. Смотрящий на тебя такими глазами, что «Ромео и Джульетта» начинают казаться легкой комедией.

Девушки вообще часто мечтают о том, о чем не имеют ни малейшего представления.

Они не знают, что такое ехать в метро, мучительно ожидая приближения следующей станции. Десять раз туда,

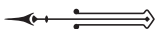

десять раз обратно. Оборачиваться на каждом переходе. Смотреть в каждое лицо. Искать, искать, искать. Искать того, кого невозможно найти.

Когда читаешь такие истории в книгах, они кажутся невероятно романтичными, прекрасными, пьянящими. Когда попадаешь в эту историю сам, в ней не оказывается ничего пьянящего, прекрасного или романтического. Ты просто живешь от встречи до встречи, в промежутках пытаешься чем-то залатать дыры в мироздании. Иначе это нельзя было назвать. Казалось, что время ползет мучительно медленно, и поэтому в результате оно утекало между пальцев. Я училась в состоянии постоянного надрыва, все сдавая в последний момент, слишком прирожденная отличница, чтобы забыть про все, слишком увлеченная любовница, чтобы ни о чем не забывать.

Я чувствовала себя именно так, любовницей, потому что, будь я его девушкой, все было бы нормально, а не как в дурном кино. Я бы познакомила его с родителями. Он привел бы меня к себе домой (ведь должен же он где-то жить, когда не ночует на Чистых!). Мы не прятались бы от всего мира, мы любили бы друг друга открыто и радостно.

Сандр ни о чем не просил меня, но я сама как будто чувствовала необходимость скрываться. Я ничего не говорила родителям, я ничего не рассказывала подругам. И те, и другие понимали, что что-то со мной случилось. И те, и другие пытались поговорить. От подруг отбиться оказалось довольно легко. Сложнее дело обстояло с мамой. Слишком долго и слишком хорошо мы друг друга знали. Как-то вечером, когда папа еще не вернулся с работы, она спросила у меня напрямую, что происходит. Я не ответила.

— У тебя роман, — сказала мама наконец. Она не спрашивала.

Я кивнула, потому что отрицать это было бессмысленно. Она и так все знала. А я слишком устала.

— И ты не хочешь об этом говорить.

Я снова кивнула.

— Он женат?

Я задумалась. Почему-то эта мысль никогда не приходила мне в голову.

— Не знаю.

— А если бы узнала, тебя бы это остановило?

— Не знаю.

Я вдруг почувствовала такую зверскую усталость, что еле-еле усидела на табуретке. Хотелось лечь на пол и закрыть глаза.

— Бедная моя девочка, — вдруг сказала мама, подошла и обняла меня.

Я не сразу поняла, что реву. Нервы, подумала я. У меня к черту расшатались нервы.

Мама подождала, пока я нахлюпаюсь вдоволь, поглаживая иногда меня по спине. Потом, когда я умылась и вернулась отпаиваться чаем, она спросила полусуто:

— Он хоть красивый?

Я усмехнулась, вернее, икнула с улыбкой.

— Как готический собор.

Моя мама была искусствоведем. Она поняла.

* * *

Наступила весна, и с ее приходом появилось ощущение, что все невероятное однажды может стать нормальным.

⚡⚡⚡ О Г Л А В Л Е Н И Е ⚡⚡⚡

I. Миша	5
II. Алиса	19
III. Ларс.....	46
IV. Алиса.....	73
V. Гарри	89
VI. Алиса.....	114
VII. Алиса.....	140
VIII. Гарри.....	168
IX. Алиса	195
X. Алиса	217
XI. Алиса	244
XII. Миша	262
XIII. Сандр.....	292
XIV. Алиса.....	329
XV. Ларс.....	354
XVI. Алиса.....	371
XVII. Люди	383
Эпilog.....	410

Литературно-художественное издание

Дин Лейпек

ЭТО ВСЁ ПРИДУМАЛИ ЛЮДИ

Выпускающий редактор Е. Пучкова
Корректоры О. Наренкова, О. Шепитько
Компьютерная верстка С. Новиков

Подписано в печать 13.08.2019
Формат 84 × 108/32. Усл. печ. л. 21,84
Бумага писчая. Гарнитура «GaramondNarrow»
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО ИД «Флюид ФриФлай»
109382, Москва, Переведеновский пер., д. 20, кор. 2
тел. +7 (985) 8000 366
www.gorodets.ru
e-mail: info@gorodets.ru
тел.: +7 (985) 8000 366

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru
тел. +7 (499) 270 7359

Дин Лейпек — архитектор, писатель и поэт. Пишет в жанрах реализма, мистического реализма, фэнтези. Роман «Это всё придумали люди» в ноябре 2017 года был объявлен победителем конкурса «Фантастический прорыв» на портале Author.today.

Миллионы людей даже не подозревают о том, что мысли материальны. Каждая фантазия — это целый мир. Каждая мечта — живой мираж. Каждый страх — чудовище...

Что делать, если все, что у тебя осталось, — это чужие мысли? Если ты навсегда застрял в мире, который придуман? Как остаться человеком там, где ты можешь все, но только не любить?

Жила-была девочка Алиса... Жизнь ее была совсем не сказочной, а очень правильной и простой. Пока не появился он — красивый «как готический собор» и чертовски загадочный. А потом он исчез. Следом исчезла и Алиса. Но история на этом не закончилась — только началась.

Алиса не падала в кроличью нору — она просто открыла дверь. Дверь в странный мир Пространств, созданный людскими мыслями. Мир, из которого нельзя вернуться в реальность, только вынырнуть ненадолго. Если, конечно, вы не Мастер Пространств. Мир, где нельзя любить, сострадать, ненавидеть. Если, конечно, вы не хотите все разрушить. Мир настолько опасный, что одному из Мастеров придется умереть для спасения реальности. А другой должен будет остаться жить. И помнить. Жила-была архитектор Элис. И ей предстояло пройти долгий путь по замкнутому кругу, сквозь лабиринты чужих подсознаний, заполненных кошмарами, через сомнение, любовь, страх и прощение... Чтобы снова стать девочкой Алисой.

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-906827-57-9

9 785906 827579